

Мемуаристика II половины XVIII

Екатерина II на прогулке в Царскосельском парке, В. Л.

Портрет великой княгини Екатерины Алексеевны, Вигилиус Эриксен

М. Ф. Ростовцева, мемуары о Г. Р. Державине

«Вспоминая всегда с восхищением о доброте Гавриила Романовича, Дарья Алексеевна рассказывала следующий случай, которого все три племянницы были свидетельницами.

Не помню хорошенько, но какое-то пирожное Гавриил Романович любил особенно.

Это пирожное было заказано к обеду. Дедушка нехорошо себя чувствовал, и Дарья Алексеевна пирожное отменила. Приказание ее, не знаю почему, не было исполнено, и пирожное подали к столу.

— Ах, как несносно! — сказала Дарья Алексеевна с нетерпением, ведь я говорила, чтобы этого пирожного не делали.

— Ну, уж извини, мой друг, — заметил Гавриил Романович, приближая к себе блюдо, и с поспешностью положил себе на тарелку довольно большую порцию.

— Нет, мамичка, как хочешь, сердись ты на меня или нет, а я тебе не дам, — продолжила Дарья Алексеевна, отнимая у него тарелку, — ты так дурно себя чувствовал; и несмотря на его сопротивление она тарелку у него отняла и отдала человеку. Гавриил Романович вскочил со стула, бросил салфетку на стол, плюнул в сторону и ушел из столовой скорыми шагами.

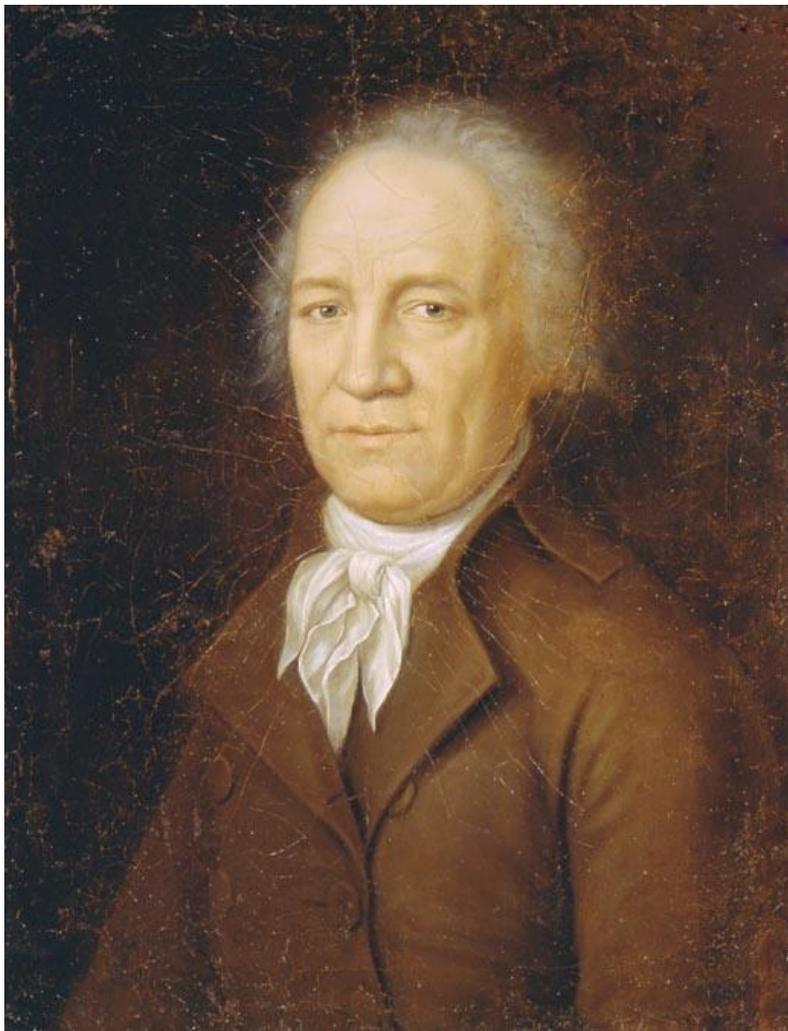
Сидящие за столом молоденькие его племянницы даже притихли, так перепугались, воображая, что это семейная сцена и что будет какая-нибудь беда, они со страхом друг на друга поглядывали, одна бабушка преспокойно продолжала кушать свое пирожное, как будто ничего не случилось.

Когда вышли из-за стола, то увидели, что в гостиной, за круглым столом Гавриил Романович раскладывал в карты пасьянс.

Из воспоминаний о Г. Р. Державине П. Н. Львовой

Утром, после завтрака, мой дядя обычно уходит в свой кабинет, где собирается целая толпа детей, которым он раздает по будням крендели, а по воскресениям пряники. Нет ничего более любопытного, чем видеть доброго дядюшку, окруженного этими забавными малышами; он везде и во всем выказывает ту же справедливость; иногда случается, что кому-то из малышей недостает кренделя. Дядя мой не может вынести, чтобы один получил меньше, чем другие; он посылает искать по всему дому и не успокаивается, пока все доли не будут равны. Тогда он их отпускает, все очень довольны и обещают воротиться на другой день. Очень часто я присутствую при этом дележе, находя истинное удовольствие в том, что вижу почтенное лицо моего дяди, на котором отражается ангельская доброта, посреди этой группы детей; он с ними разговаривает, его доброта видна в каждом его слове; иногда он выступает в роли их судьи. Когда к нему обращаются с жалобами, он терпеливо их выслушивает, и, выслушав обе стороны, делает легкий выговор тому, кто не прав, и восстанавливает мир между поссорившимися малышами.

А. Т. Болотов (1738 – 1833)

«А как я писал сие не в том намерении, чтоб издать в свет посредством печати, а единственно для удовольствования любопытства моих детей, и тех из моих родственников и будущих потомков, которая похотят обо мне иметь сведение, то и не заботился я о том, что сочинение сие будет несколько пространно и велико; а старался только, чтобы чего не было пропущено, почему в случае если кому из посторонних случится читать сие прямо набело писанное сочинение, то и прошу меня в том и в ошибках благосклонно извинить. Наконец, что принадлежит до расположения описания сего образом писем, то сие учинено для того, чтоб мне тем удобнее и вольнее было рассказывать иногда что-нибудь и смешное ...»

Григорий Степанович Винский

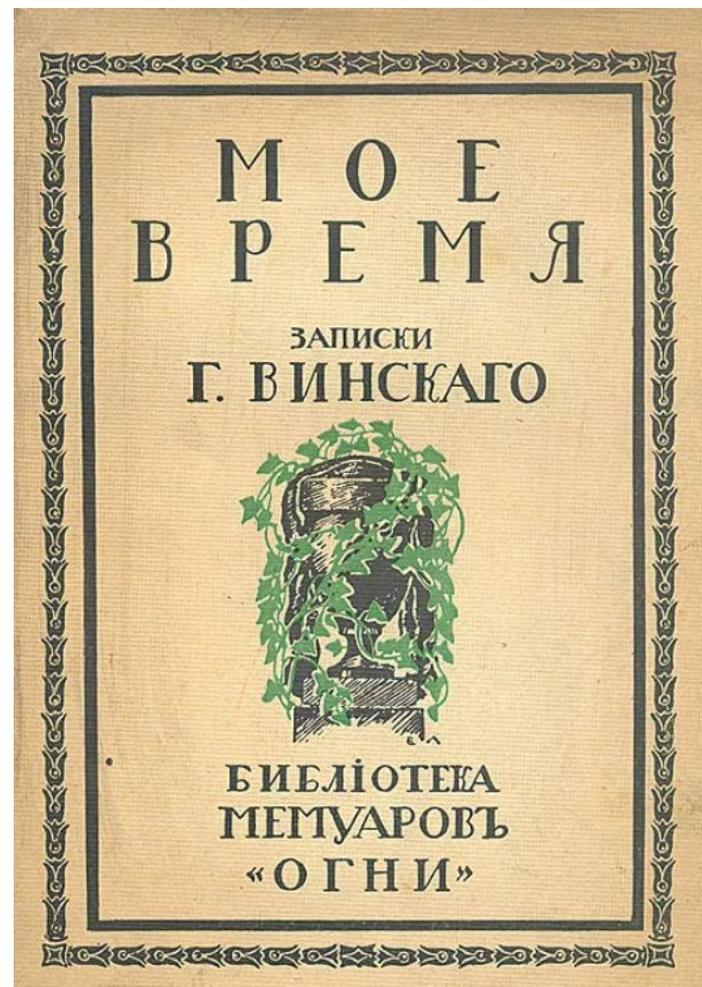
(1752 – 1819)

«Ежели когда-нибудь
настанут времена
правды, тогда
великие умы XVIII
столетия, истинные
благодетели рода
человеческого,
получат всю им
принадлежащую
честь и
признательность».

Винский Г. С.

В 49 Мое время. Записки Г.С. Винского / Г. С. Винский; редакция, вступительная статья П. Е. Щеголева; предисловие, комментарии Н. М. Полухиной; Государственная публичная историческая библиотека России.— Москва, 2020.— 253 с.— (Вглядываясь в прошлое).

ISBN 978-5-85209-446-9

- «Где высокое чувство человеческого достоинства? Где нравственность? Где справедливость? Что религия? Сильнейшее, по-вашему, обуздание страстей, единственный бич пороков? Почему она молчит? Какой честный, чувствительный человек не вознегодует, видя, как ваш первосвященник лбызает бесстыдную жены руку, еще носящую, может быть, пятна блевотины ее любодеев?»

Заглавие

- «Ин пиши, сыскав себе предмет, и что ты лучше знаешь дельно; я знаю самого себя лучше всего, так вот мой предмет: **МОЕ ВРЕМЯ**. Заглавие, однако, принадлежит венценосному сочинителю; тебя с первого шагу оговорят...»
- «Многие, зная некоторые случаи моей жизни, может быть называют меня дураком, что я не умел воспользоваться **своим временем**; пусть и так, но подлецом, по справедливости, никто не может меня назвать...»

- «Да не подумает кто-либо, что сим маловажным занятием я хочу втесниться в лик творцов сочинений? Нет, нет... <...> Я намереваюсь писать <...>, как умею, не поставляя себе образцами ни Ксенофонов, ни Титов Ливиев, ни Вольтеров, ниже К<арамзиных>. **Слог мой, подобно деяниям, будет прост, но правдив**; в чем призываю на помочь мою богиню Истину. О святая Мати Правда! <...> Пусть же одни добрые люди меня читают, меня судят, и меня осуждают, ежели найдут тебе неверным. Аминь».

А. Т. Болотов о романе П. З.

Хомякова

- «Но господину сочинителю, ничего порядочно неучившемуся, а как видно читавшему только несколько романов и книг, к несчастью захотелось еще умничать, и украшать свою повесть, но совсем некстати и не впопад и вовсе неумеючи, **таким слогом, какой нимало ей неприличен**, и наполнять ее множеством таких слов, речений к фигур, которые столь же ей приличны, как к дурной корове богатое, великолепное седло».

- «16-го февраля, в сыропустное заговение пообедавши в Сакмарске, пустились мы к Оренбургу. Проехавши Каргалу и приблизившись к 9-й версте, открылась мне необозримая равнина, покрытая снегом, не имеющая не только деревьев и кустов, ниже каких-либо видных из-под снега растений. На правой стороне видно было кругловатое возвышение, с левой два довольно высоких хребта; впереди город Оренбург, **как груды** собранных в одно место церквей и колоколен. При первом обозрении сердце затрепетало и мысли сказали: «вот твое жилище и гроб». По мере приближения город прибывал в окружности, но терял в виде, ибо его стены, с сея стороны одеянные камнем и от времени почерневшие, **казались к белизне снега весьма страшными, что воображение несчастного узника еще более усиливало».**

- «Молодость, здоровье, беззаботливость, занятия разнообразные, полезные, приятные, знакомства, особенно с любезным Чичаговым и весельчаком Кеслером, точно доставляли мне много приятностей; и с умнейшею поступью я, конечно, тут же бы мог завести что-нибудь для переду, но, осужденный с ребячества волочиться, я тащился за моею судьбою беспрекословно».

- «Описывать все его странности было бы и скучно, и трудно; скажу только еще: бывши почти безграмотен, охотник превеликой был диктовать письма, особенно наставлению прикащикам, садовникам, конюхам и другим своим чиновникам. Щедр, даже мот бывал из тщеславия, скуп же по природе; нрава самого крутого и жестокого, но к сентиментальному разговору всегда пристаивал, выдавая себя за Стерна» .

С. Т. Аксаков «Наташа»

- «Он был либерал, вольтерьянец по тогдашнему выражению; философы осьмнадцатого столетия были его единственными божествами. (...) как упрямый малоросс, он старался преимущественно развить Арнольде (так звал он своего воспитанника и теперь) силу воли, ошибочно или нет предполагая, что её мало в флегматичном ребёнке, и он успел в том...»

Эпитафия на несохранившейся могиле Г. С. Винского

- Бог дал мне свет ума,
Я истины искал.
Но видел ложь везде.
Светильник погашаю.
Бог дал мне сердце.
Я страдал.
И сердце Богу
возвращаю.*

